

Герцог Уилсон замер, как только Эван приблизился к нему. Спускаясь по лестнице, он двигался осторожно, словно неопытный юноша, и Эван, заметив это, с легкой усмешкой подумал, что его план уже на 90 % выполнен. Остальные 10 % зависели от его собственной хитрости.

Герцог Уилсон поддерживал Эвана, пока они спускались, и только когда тот наконец сел, Эван с легким извинением произнес:

— Ваша светлость, простите за беспокойство.

Герцог Уилсон был бы рад, если бы Эван беспокоил его чаще. Он неловко махнул рукой, его голос звучал неуверенно:

— Вы... вы слишком любезны, это пустяки...

Его слова становились все тише, и последнюю фразу было почти невозможно разобрать.

Эван, видя его таким, невольно улыбнулся в душе. Герцог Уилсон оказался таким неопытным в любви, что это было неожиданно.

В этот момент слуга провел в комнату Форда и миссис Джонсон, но, к удивлению Эвана, с ними также вошел инспектор Чендлер. Увидев эту сцену, Эван замер.

— Инспектор? — Герцог Уилсон нахмурился, первым нарушив молчание:

— Что привело вас сюда? Разве это дело требует вмешательства полиции?

Доверие герцога Уилсона к полиции упало до минимума, и инспектор Чендлер также не вызывал у него особой симпатии.

Инспектор Чендлер выглядел подавленным, совсем не так, как раньше. Он поправил свою поношенную шляпу, взглянул на бледного Эвана и тихо сказал:

— Ваша светлость, дело мистера Джонсона все еще не раскрыто. Я пришел, чтобы навестить пастора Брюса и также узнать его мнение по этому поводу.

После прошлого раза инспектор Чендлер понял, что может рассчитывать на Эвана, и теперь, когда дело зашло в тупик, он снова обратился к нему.

Эван слегка вздрогнул, удивленно посмотрев на инспектора Чендлера:

— О, инспектор, вы слишком высоко меня цените. В этом деле я знаю не больше, чем вы.

Инспектор Чендлер боялся герцога Уилсона, но к Эвану относился с большим уважением. Услышав это, он поспешно ответил:

— Вы помогли мне в прошлом деле, и я прошу вас помочь мне снова. Это дело до сих пор не раскрыто, и Скотленд-Ярд уже очень недоволен. Если они отправят сюда своего инспектора, все станет еще сложнее.

Услышав это, герцог Уилсон нахмурился. Он взглянул на спокойного Форда и безучастную миссис Джонсон, подавил свои мысли и наконец тихо сказал:

— Давайте не будем обсуждать это сейчас. Пожалуйста, садитесь, и давайте решим главный вопрос сегодняшнего дня.

Форд, наконец получив возможность вступить в разговор, с улыбкой сказал:

— Сегодня мы благодарны за щедрость герцога Уилсона, что можем обсудить это дело в его поместье.

Герцог Уилсон холодно посмотрел на Форда и резко ответил:

— Пастор Брюс — мой друг, это мелочь.

Улыбка Форда сразу же застыла.

Герцог Уилсон больше не смотрел на него, а обратился к миссис Джонсон, сидевшей на краю дивана, ее лицо скрывала черная вуаль. Он тихо спросил:

— Миссис Джонсон, раз уж вы здесь, как вы собираетесь возместить то, что сделал ваш муж?

Миссис Джонсон нервно посмотрела на герцога Уилсона. Она сняла шляпу, и под вуалью ее лицо было бледным, совсем не таким, как несколько дней назад, когда она была спокойной и рассудительной женщиной.

Она прямо смотрела на герцога Уилсона, в ее глазах читались безумие и тревога.

— То, что он сделал, мне неизвестно. Я никогда не видела его денег, и я не могу выполнить вашу просьбу.

Голос миссис Джонсон дрожал, но все в комнате были поражены ее словами, особенно Эван. Он приподнялся, глядя на миссис Джонсон, и строго сказал:

— Миссис, вы ведь обещали вернуть деньги церкви? Почему теперь вы отказываетесь от своих слов?

Миссис Джонсон даже не взглянула на Эван, быстро опустила голову, схватилась за нее и с

болью простонала:

— Пастор Брюс, простите... простите, я просто не могу. Я думала, что он оставил имущество, но сейчас я не могу найти никаких следов его имущества. Я просто не могу...

Голос миссис Джонсон дрожал, она была на грани срыва. Последние несколько дней ее жизнь была невыносимой: взгляды окружающих, пересуды в городе, постоянные атаки журналистов. Ее психика была на пределе.

Эван крепко нахмурился, глядя на миссис Джонсон, в его глазах читалась неуверенность.

Герцог Уилсон подошел к Эвану, положил руку на его плечо и тихо сказал:

— Сядьте, не напрягайте рану.

Эван снова опустился на мягкий диван, его мысли были в смятении, но Форд, сидевший напротив, в его глазах мелькнул странный блеск.

— Миссис Джонсон, — Форд, не дожидаясь, пока кто-то заговорит, первым произнес:

— Что бы вы ни говорили, факт остается фактом: ваш муж присвоил церковное имущество. Если вы не будете сотрудничать, это дело попадет в суд, ваше имущество будет заморожено, а дом продан, чтобы покрыть убытки церкви. Если вы не хотите, чтобы все зашло так далеко, я советую вам сотрудничать.

Форд, как представитель церкви, угрожал с легкостью.

Миссис Джонсон, услышав это, задрожала. Она с ужасом смотрела на Форда, словно он был дьяволом.

— Вы... вы не можете этого сделать... — Слезы потекли по ее лицу:

— Мистер Форд, вы джентльмен, неужели вы будете так мучить вдову?

Эван прищурился, глядя на эту плачущую женщину, чувствуя, что что-то здесь не так.

— Мучить? — Форд усмехнулся:

— Как я могу мучить вас? Все, что я говорю, основано на законе. Даже вы, благородная дама, должны соблюдать закон. Я просто хочу, чтобы вы поняли серьезность ситуации. Вы обязаны вернуть имущество церкви.

Миссис Джонсон, услышав это, задрожала еще сильнее. Она крепко сжала край юбки, кусая губу, и смотрела на Форда с глубоким страхом.

Инспектор Чендлер, наблюдая за этим, не выдержал и сказал:

— Мистер Форд, неужели вы должны быть так жестоки? Миссис Джонсон — жертва!

Форд с презрением посмотрел на инспектора Чендлера:

— Жертва? — В его глазах читалось высокомерие:

— Если она жертва, то церковь должна пострадать? Вы знаете, что имущество церкви предназначено для служения Богу. Неужели мы должны кормить этим жадного дьявола?

Инспектор Чендлер не был мастером споров, он сразу же замолчал. Миссис Джонсон, видя это, с мольбой посмотрела на Эвана.

Позиция Эвана в этом деле была неоднозначной, и теперь, когда на него смотрели с такой мольбой, он чувствовал себя еще более неловко. Ему казалось, что голова вот-вот взорвется.

Он не мог игнорировать мольбу миссис Джонсон, ведь он был «добрым» пастором, но если бы он перешел на сторону церкви, это бы его погубило.

Мысли Эвана были запутанными, но он не мог молчать. Теперь все взгляды были устремлены на него, и он чувствовал, что на его плечи легла огромная тяжесть.

<http://bllate.org/book/15268/1347586>